
Глава 17.

1912 год

По случаю собравшегося в Петербурге международного конгресса, не припоминается, какого именно¹, Сазонов устроил у себя раут в честь иностранных делегатов. Я не присутствовал на подобных раутах министра иностранных дел со времен гр<афа> Ламздорфа. Подкупающим отличием было, что взамен всегда и всюду всем афишировавшегося гр<афом> Ламздорфом Савинского, на этот раз в том же аванзале вместе с Сазоновым встречала и приветствовала гостей симпатичная и по внешности привлекательная дама. Первое впечатление — решающее. В эффектной платье скромных темных цветов, *под стать и красивой темно-русой прическе*, в уборе немногочисленных, но отменного благородства камней Анна Борисовна Сазонова произвела на меня именно привлекательное впечатление. И хотя при последующих встречах и во время совместной нашей работы впоследствии по части благотворительности она представлялась в будничной обстановке не столь яркою, тем не менее, Анна Борисовна с того первого раза осталась навсегда в моей памяти женщиною симпатичною и привлекательною. При ближайшем знакомстве она оказалась человеком прекрасной души. Насколько выгодно она отличалась от родной сестры — неприятно надменной, выцветшей до полинялости Ольги Борисовны Столыпина!

Раут разворачивался с удачливостью, присущею всем подобного рода многочисленным собраниям, где каждый чувствует себя свободным, если соскучится, нестеснительно уйти и остаться, если ему приятно и весело. В желтом колонном зале играл итальянский струнный оркестр. Большого роста, старчески тучный, с приятным открытым лицом военный министр В. А. Сухомлинов в венгерке гусарского образца Офицерской кавалерийской школы, которою некогда командовал, оживленно беседовал с иностранным военным делегатом. Напыщенный, небольшого роста коротконогий Коковцов, с покатым продолговатым лбом, создававшим ему овоидную голову, громко перорировал *своим неприятным гортанным голосом* в группе окружавших его сановников и дипломатов. Другие министры, сановники, иностранные дипломаты, их дамы, делегаты конгресса, чиновники министерства оживленную толпою растеклись по всей анфиладе зал прекрасной квартиры министра. В последнем зале, обычно служившем кабине-

том министра, традиционно играли в бридж. Приемная министра, примыкавшая к присутственным помещениям министерства, была обращена в курительную комнату. Успехом пользовался открытый буфет с шампанским, холодными блюдами и сладостями, фруктами, мороженым.

* * * * *

В Государственной думе Сазонову настойчиво напоминали, что от министерства ожидается реформа заграничных установлений ведомства. Некоторые посты утратили свое былое значение. Их своевременно было понизить в ранге или вовсе упразднить. С другой стороны, изменившиеся политические и экономические отношения требовали учреждения новых постов в других выросших в своем значении центрах. Настояла (так!) потребность и в пересмотре самой постановки заграничной службы, в ревизии устарелых штатов и окладов содержания и т. п. Сазонов предложил нам заняться реформой, сообразить которую предстояло комиссии, а облечь в мотивированный законопроект поручалось мне.

Комиссия образовалась под председательством Нератова в составе директоров департаментов Арцимовича и Бентковского, заведовавших политическими отделами Нелидова, Клемма, Козакова, директора канцелярии Шиллинга и меня. Принялись за дело ретиво. Собирались часто. Но запутались в общих соображениях, не дававших ничего конкретного. Я подучил Арцимовича предложить комиссии потребовать от каждого ее участника письменного изложения пожеланий, касавшихся территории его ведения, на основании материалов, полученных с мест от заграничных наших установлений. <По> запискам участников комиссии была бы сделана сводка, которая и была бы предложена к обсуждению пленума комиссии. Эта мысль была принята. И на время составления записок заседания комиссии были прерваны.

Кроме Дмитрия Александровича Нелидова, всех остальных участников комиссии я знал хорошо. С некоторыми знакомство мое насчитывало по несколько лет. Дмитрий Александрович Нелидов был для меня лицом совершенно новым. Я присматривался к нему с интересом тем большим, что он был старшим сыном такого почтенного русского дипломата (*которым мы справедливо гордились*), как покойный Александр Иванович Нелидов, бывший последовательно русским послом в Константинополе, Риме и Париже.

Признаюсь, я не нашел в Дмитрие Александровиче отражения выдающихся достоинств его крупного отца. Затрудняюсь к этому что-либо добавить.

Счастливою противоположностью являлся брат его, заведовавший Отделом печати нашего ведомства, Юрий Александрович Нелидов — большая умница, содержательный, способный и талантливый человек, обязательный, приветливый, весьма приятный в обращении. *Симпатические флюиды влекли к нему с непреодолимую властью.*

Дмитрий Александрович Нелидов был вскоре назначен министром-резидентом при Ватикане, а затем — посланником в Брюссель. Сазонов его заменил в центре состоявшим в ведомстве моим двоюродным братом князем Григорием Николаевичем Трубецким.

* * * * *

1912 г<од>! Год этот выгравирован на бронзовой полоске, приделанной к мрамору моего письменного прибора. На той же полоске значится надпись: «Благодарные на память». ^аСколько с тех пор прошло лет?^а И каких лет? Насыщенных событиями, какие не умещались в прошлом в иные века. Но память о «благодарных» во мне жива. Я как сейчас их вижу перед собою, принесших мне этот письменный прибор в подарок в одно солнечное весеннее утро 1912 г. В полукафтанах с красными воротниками, с серебряными пуговицами по борту. Бритые подбородки, усы, у многих седые. Курьеры и сторожа Министерства иностранных дел. У меня среди них были давние приятели со времен еще первой моей службы в министерстве до перехода в Государственную канцелярию. Я прислушивался к их печалям и заботам. Знал их нужды. И мне удалось заинтересовать ими Арцимовича, склонить его получить согласие министра на возбуждение ходатайства об улучшении материальных условий курьеров и сторожей, об увеличении им содержания и о том, чего они особенно добивались, о надбавках за выслугу лет. Сазонов согласился. Я составил соответствующую записку. Хлопотал в Министерстве финансов об отпуске потребного кредита без практиковавшихся этим ведомством урезок. В результате курьеры и сторожа получили увеличение содержания до того самого размера, который сами себе наметили, и те самые надбавки за выслугу лет, каких добивались. Они знали о моих хлопотах за них. И вот теперь пришли благодарить. Подарок мне передал старейший курьер, служивший в канцелярии министерства, почтенный, седоусый, украшенный медалями старик Федоров. Этот подарок — единственная оставшаяся у меня вещественная память о прежней службе.

Лето семья моя второй уже год как проводила в Териоках. За относительную дальностью расстояния я ездил туда, пока не наступало время отпуска, не чаще раза в неделю. Получив же месячный отпуск, засаживался в Териоки безвыездно. Мы нанимали хорошую, комфортабельно обставленную дачу в «Новых местах» неподалеку от гостиницы «Ривьера», на обширном земельном участке, засаженном высокими соснами и низкорослыми яблонями. В двух шагах тянулся широкий пляж, постепенно суживавшийся к западу там, где была расположена наиболее скученно заселенная часть Старых Териок. Наш пляж по его ширине и чистоте песчаного берега был превосходный. Можно было часами лежать на мягком тонком песке, греясь лишь в теплых, отнюдь не обжигающих лучах летнего северного солнца. Под живительную их ласкою, на сухом песке, вдыхая проносившийся бризом терпкий запах сосны и ели, дети набирались здоровья и сил. В туманной дымке напротив чуть белел светлым облачком Кронштадт. По морю стелились белыми чайками паруса рыбачьих лодок. Вечером на юго-западе заигался и мигал отдаленный маяк. На востоке горели огни Сестрорецкого курорта. За пляжем на холмистой возвышенности раскинулся хвойный лес, изобиловавший черникой, брусникой, голубикой. В Старых Териоках в лавках продавались славившиеся в Финляндии дешевизною *хорошего качества* трикотаж, туалетное мыло, заграничный табак, *спички* и т. д.

По воскресеньям приезжали к нам из Петербурга родные и друзья. Мы гуляли с ними по берегу моря и в лесу. Потом обедали у нас на даче.

^{а-а} Вписано вместо: «Теперь 1932 г. Прошло 20 лет».

* * * * *

В августе происходили юбилейные Бородинские торжества. Царь ездил на Бородинское поле и в Москву².

* * * * *

Сазонов осенью отправился в Париж и Лондон подкрепить манифестацией личных переговоров нашу верность *гибельной для нас* комбинации Тройственного соглашения³.

* * * * *

В октябре, заключив военный союз, Болгария, Сербия, Черногория и Греция объявили войну Турции. Развивая энергичное наступление, союзники вторглись в турецкие владения.

Говорили, война была подстроена нами. Мы организовали балканский союз. Мы же бросили союзников на Турцию, стремясь к завладению Константинополем и проливами. Цель эта была положена Сазоновым в основу его политики⁴.

Так говорили. Но верно из того, что говорили, только одно. Мы правда работали над созданием балканского союза, преследуя цель противопоставить Австро-Венгрии и Турции на Балканах взамен разрозненных балканских государств внушительную силу сплоченного их блока. Не без нашей поддержки Болгария, Сербия и Черногория еще в конце 1905 года заключили таможенное соглашение, устранявшее экономическую их зависимость от Австро-Венгрии. Наши же советы привели теперь те же балканские государства, а вместе с ними Грецию, к заключению военного союза. Но на использование этого союза *немедленно* для нападения на Турцию и именно в данный момент мы союзников отнюдь не толкали. Возвратившись из поездки в Западную Европу, Сазонов уверял, что братушки, усыпив нашу бдительность, ускользнули от нашего внимания и напали на Турцию не только без нашего ведома и согласия, но и не предупредив нас и поставив перед лицом совершившегося факта. Возможно допустить, что посланник наш в Белграде Н. Г. Гартвиг, проводивший на своем посту свою собственную политику, а не политику своего правительства, мог лично от себя подстрекнуть сербов к войне. Но болгар, которые, между тем, по причине своего военного превосходства верховодили в союзе, наш посланник в Софии А. В. Неклюдов уже никоим образом на Турцию не натравливал, не имея на то директив из Петербурга.

Уверять, что Сазоновым что-то было положено в основу его политики (завладение Константинополем и проливами), значит переоценивать Сергея Дмитриевича, у которого никакого политического плана не было. Было одно желание — наивозможно спокойно продержаться положенный судьбою срок на посту министра иностранных дел, избегая всяких требующих напряжения осложнений. Константинополь и проливы составляли предмет весьма распространенных мечтаний среди российской интеллигенции. Мечтал о них, очевидно, и Сергей

Дмитриевич, увлеченный, как в свое время все мы, красивым, как сказка, преданием о водруженном на вратах Цареграда Олеговом щите⁵. Но мечтал лишь как один из многих россиян, а отнюдь не как министр иностранных дел, ценя больше и прежде всего собственный покой. А завладение Россией Константинополем и проливами нормально мыслилось не иначе, как через куда как для Сазонова беспокойную, а потому нежелательную войну, которую повела бы сама Россия. Лишь после того, как балканская война началась, и наступавшие на Турцию союзники достигли значительных успехов, стали говорить о том, будто болгарский царь Фердинанд собирается в случае овладения Константинополем поднести его ключи русскому царю. Об этом официально заявлял приехавший в Петербург с депутацией в 1913 году, накануне взятия союзниками Адрианополя, болгарский генерал Радко-Дмитриев. Но Сазонов такому альтруизму Фердинанда не верил. Он был убежден, что коварный болгарский царь стремится овладеть Константинополем не для России, а для Болгарии (недаром, говорили, Фердинанд снялся в мантии византийского императора). С другой стороны, Сазонов усвоил себе проводившуюся его сотрудниками мысль о том, что пока России не суждено овладеть Константинополем и проливами, пусть лучше продолжает владеть ими вековой их хозяйин Турция, а не какая-либо другая держава. Иметь у ворот Черного моря, превращенного для России в каземат, такого стража, как эвентуальный византиец Фердинанд, представлялось для Сазонова перспективою до такой степени неприемлемою, что Сергей Дмитриевич решился на мало кому известный шаг, характеризующий его чрезвычайное легкомыслие. Когда союзники с болгарями во главе, победоносно продвигаясь к Адрианополю, уже подступали к нему, Сазонов по телеграфу предложил нашему посланнику в Болгарии Неклюдову остановить наступление болгар. Замечательно, что распоряжение такой не умаляемой его нелепостью исключительной важности Сазонов отдал Неклюдову *progrigio motu*^a, не испросив санкции царя. Неклюдов, по достоинству оценив нелепость и невыполнимость сообщенного ему министром приказа, нашелся и ответил Сазонову, что затрудняется передать содержание его депеши болгарскому правительству, пока не последует на это «высочайшее повеление». Сазонов одумался. К царю не пошел. Инцидент оказался исчерпанным, не выходя за пределы ведомственного сношения. Избегая вовлечения самой России в войну, грозившую при вмешательстве России развернуться в войну мировую, не веря в возможность получения Россией константинопольских ключей от балканских союзников (на что потребовалось бы еще согласие великих держав), Сазонов отнюдь не мог видеть в войне союзников с Турцией средства овладения Россией Константинополем и проливами.

Не нами подстроенная война шла своим чередом.

Наши «моменты» (так называли офицеров Генерального штаба), посещавшие наше министерство, точно рассчитали, сколько времени могут продержаться в состоянии войны балканские союзники. Ученые авгуры исходили из имевшихся у них сведений о материальных средствах союзников, финансах, запасах снаряжения, о реальных возможностях их пополнения и из других косвенных показателей допустимой длительности кампании. По их расчетам, союзники ни в каком случае не могли ее вести далее конца года. События показали, какую

^a По собственному побуждению (лат.).

цену имеют подобные теоретические расчеты штабных «моментов». Война продолжалась до весны следующего года. И «материальных возможностей» союзникам хватило, чтобы после войны с Турцией начать и довести до конца новую войну между собой⁶.

* * * * *

Возвращаясь к внутренним нашим делам, следует отметить назначение царем в конце года министром внутренних дел на место уволенного А. А. Макарова Николая Алексеевича Маклакова.

Податной инспектор, продвинутый дамскими влияниями в управляющие казенную палату, а потом в губернаторы, Маклаков сумел взять на этом последнем посту, в Черниговский губернии, угоднический курс, наиболее соответствовавший царскому настроению. Курс приблизительно исходил из следующих соображений. В 1905 г., воспользовавшись минутною слабостью царя, «крамольная интеллигенция» и «революционер» Витте вырвали у монарха направленные к ограничению самодержавия свободы. Столыпин осадил не в меру разошедшуюся крамолу. Но недостаточно. Он стал на неверный путь ориентации на общественность, проникнутый глубоко вредным ее духом. Наступило время показать, что царь в единении с народом, в его большинстве совершенно чуждым всяким конституционным идеям, продолжает осуществлять унаследованное от предков неограниченное самодержавие. Думу, как институт, хотя и в минуту душевной слабости, но как-никак учрежденный царем, приходится оставить. Но необходимо постепенно свести ее значение на роль простого советника царя, чье мнение можно выслушать, но получение чьего одобрения на ту или иную государственную меру отнюдь не должно почитаться обязательным для ее проведения. Умелым воздействием на выборы нужно обеспечить власти такой состав Думы, чтобы она дегрессировала в законосовещательный орган незаметно и безропотно. Такой приблизительно «profession de foi»^a Маклаков успешно подчинил свои административные действия, а представляясь царю в его приезд в 1911 г. в г. Киев, проявил не только подчеркнутые верноподданнические чувства, но и молитвенное обожание. Этим Маклаков произвел на царя, уже предрасположенного к нему как к ратоборцу неограниченного самодержавия, впечатление отменно благоприятное. И ростом он не подавлял царя, что, в конце концов, царь не любил. И лицом был пригож. Лихого вида усы и полувоенная выправка выгодно оттеняли внешние его качества. Царь уже тогда в Киеве его отметил. Теперь, «освободив» Макарова, он призвал Маклакова. Очаровав царя своим докладом и искусно в него вплетенным подтверждением своих ультрамонархических чувств, Маклаков быстро завоевал и симпатии царицы. Допущенный в интимный круг царской семьи, Маклаков использовал для ее развлечения присущий ему дар имитации. Когда он представлял Коковцова, царь и царица смеялись до слез. Наследника Маклаков привел в восторг, катаясь по полу, рыча и, говорят, бесподобно изображая резвящуюся пантеру. После В. К. Плеве, П. А. Столыпина, да и всех других предшественников Маклакова министр внутренних дел

^a Исповедание веры (фр.).

в роли пантеры представлял собою явление во всяком случае новое. Принятый «пантерою» на посту министра курс был ярко реакционным.

Говоря о горе-министре Маклакове, нельзя не упомянуть о его брате Василии Алексеевиче — члене Думы кадетской ее фракции, обратившем на себя внимание его полными достоинства и корректности, обстоятельными и умными оппозиционными речами. Я слушал блестящего, смелого в своем слове трибуна — Маклакова. Прошло несколько лет. И когда все полетело, я встретился с обанкротившимся политиком Маклаковым, издрожавшимся от страха перед предвещенным приходом большевиков. Жалко волнуясь, он просил меня об ускорении отправления его за границу. Он был назначен Временным правительством послом в Париже. Оформление его назначения и отправление к посту зависели от департамента, которого я был последним директором, назначенным при царском правительстве. Беда поддаться такому страху, который овладел тогда Василием Алексеевичем Маклаковым. Ничего не осталось в сидевшем против меня человеке от возвышавшего его прошлого. В беспокойных его глазах читалось безнадежное будущее.